



РАЗРЫВ ДУШЕВНОЙ ТКАНИ

А. Стрелков

18+

Андрей Стрелков

Разрыв душевной ткани. Стихи

<https://litres.ru/74130688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это вторая книга петербургского поэта, музыканта, исполнителя своих песен Андрея Стрелкова.

В книгу вошли произведения, написанные за последние десять лет. В первом разделе – стихотворения до 2013 года, частично напечатанные в предыдущей книге «Светотени».

В книге «Разрыв душевной ткани» собраны искренние, эмоциональные стихи с разнообразными сюжетами, которые не оставят читателя равнодушным.

Содержание

Часть 1. Стихотворения до 2013 года	4
Иголка	5
Искание	6
Апрель	8
Дежавю	10
Похмельный сон	12
Фруктовый роман	14
Камланье	16
Ветеранам	17
Двуединство	19
Фотография	21
Дом	22
Дорожное размышление	24
Поэзия	26
Иваныч	28
К Петербургу	29
Над Ладогой	31
Стихи о жизни...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Разрыв душевной ткани. Стихи

**Часть 1. Стихотворения
до 2013 года**

Иголка

Сонный ангел надо мною,
Наклоняясь к тёплой ране,
Хирургической иглою
Шил разрыв душевной ткани...

То ли чёртом сбитый с толку,
То ли просто неуклюжий,
Обломил, шельмец, иголку.
Остриё запало в душу...

Там, на кончике игольном,
Боль и свет собрались клином.
Хоть в костёр – плевать, что больно,
Лишь бы к свету – всё едино!

Вот живи теперь, как хочешь!
Извелась душа по свету.
Разболится – нету мочи,
Не болит – так жизни нету...

Искание

Зимний дождь затяжной, точно как наваждение –
Сбой системы в моём воспалённом мозгу.
Тем не менее льёт. Выхожу тем не менее,
За порог и, скользя на слежалом снегу,
Ухожу за предел болевого порога,
Где всё – только игра, где, смиряясь с тоской,
Прозреваю игру как движение к богу,
А движение к богу как высший покой...

Что ж я сам себе вру? Что ж услужливый разум
Силлогизмы подводит под нужный ответ?...
Одиночество – бездна моя, этим разом
Я тебя разглядел и увидел, что нет
Ничего, кроме мысли моей безответной!
Точно в детстве, со свечкой блуждая в ночи,
Дальний свет увидал и пошёл, только свет мой
Обернулся в стекле отраженьем свечи.

Точно так же, однажды добравшись до края,
Встретив нечто, иное всему на земле,
Я над ним рассмеюсь, потому, что узнаю,
Это будет моё отражение в стекле...

Вот ведь как всё смешно и нелепо.
Но всё же это вызов судьбы. Принимая его,
Я встаю, всякий раз вылезая из кожи,
Даже пусть на остатках себя самого.

Апрель

«Ничего, скоро май – там, глядишь, потеплеет», –
Приговаривал дед... Жаль его: мне то что,
А вот он, как апрель, так, бывало, болеет,
Зябко хохлится, кутаясь в полупальто.
Жмётся к печке-голландке, где тяга печная
Заунывно поёт на еловых дровах.
Жар стремится наверх, дымоход пробивая,
С тем, чтоб кануть в студёных апрельских ветрах...

...Вот и ныне апрель – тут зима помирает,
А он мочится в белую простынь её.
Вот ведь сволочь какая, ужели не знает,
Как ей больно, как страшно ей небытиё.

Но случается, континентальные осты
К нам заносят нездешних высот синеву
Небосвода... И сразу же всё не по росту –
Сразу тесно в условностях слов естеству.

Просит броситься в эту бездонную просинь
Сквозь убогий насад городских тополей...
... А давно ли плаксивую рыжую осень
Называл я сестрёнкою старшей своей,

И угрюмо глядел, как распутный ветрюга
Задирает ей подол листопада. А сам
Ревновал я её, не жену, не подругу.
Так, пожалуй, любовниц ревнуют к мужьям,
Не имея к тому ни малейшего права...
Но не я ли, блуждающий в рыжих кудрях,
С нею путался за полночь – эка забава!
Только в прошлом всё – ныне апрель при дверях,

Ближе к выходу. А это значит, всё ближе
Запах прелой помойки и свежесть листвы,
Ярость первого ливня, горячие крыши,
Привкус корюшки в жестком дыханье Невы.

Дежавю

Собирались, не глядя друг другу в глаза,
В комнатухе прокуренной, с мутным окном
На Обводный канал, выползавший из-за
Засыпавшего автовокзала. Потом
Четверть часа молчали и, глядя в окно,
Напряжённо курили – не шёл разговор...
Время просто зависло. К тому же оно
Стало липким... По счастью, залязгал затвор
На двери, и с одышкой кто-то вошёл...
Чей-то голос сказал: «Не пора ли к столу?»
У кого были стулья, садились за стол,
Остальным предлагалось сидеть на полу.

Пили молча – никто не хотел говорить,
Как никто не хотел вспоминать про вчера...
Мы считали: так лучше... И что, может быть,
Лучше вовсе молчать да курить до утра.

О вчерашнем – ни слова! Вот только оно
Всё равно проступало постыдным пятном
Через наше молчанье. И это пятно,
Отражаясь в глазах и движениях, на всём
Оседало бессмысленной вялой тоской...

Но от водки уже начинался приход –
Стало не веселей, но развязнее. В той
Обстановке казалось уже, что вот-вот –
И отпустит... Тут Мелкий свалился под стол,
Взвизгнул жалобно, засеменил в закуток,
С явной целью – загадить заплёванный пол.
Дядька поднял его и погнал за порог...

Улыбнулись... Но скоро улыбка сошла –
Разом поняли: время направилось вспять,
То есть происходившее с нами вчера,
Повторялось. И, следовательно, опять,
И опять, и опять повторится весь круг
С апатичной направленностью в никуда...
... Не достало у нас даже сил на испуг –
Просто приняли – ЭТО уже навсегда –

Нам всегда собираться, не глядя в глаза
В этой проклятой комнате с мутным окном
На Обводный канал, выползавший из-за
Засыпавшего автовокзала...

Похмельный сон

Мне хреново спалось, да привиделся сон –
Стародавнее время под знаком беды.
Как попы да князя собрались на поклон
С челобитными к хану великой Орды...

Оскудела земля, опаскудился люд...
Малахольному руки свернули назад,
Да свои же его – к басурманам на суд!
Видно, крал-воровал... Верно, сам виноват!

Уж, как кнут лютовал на костлявой спине!
Аж по-бабьи совсем верещал мужичок...
Кнут не трогал меня – так с чего же он мне
От плеча красной строчкою спину ожог?

Да ужели ж возможно, чтоб через века,
Через весь этот бред, через муторный сон
Я стал попросту болью того мужичка,
Ровно страхом моим мне представился он?

Но пульсирует боль, аж желтеет в глазах.
Это жёлтая степь, где на полном скаку
Чёрный всадник, свернувшийся на стремях,

Целит саблей меня, ждёт, что я побегу...

Кабы мне устоять – отвернул бы коня...

Да чего там гадать то – была не была!

Свистом сабли слегка полоснуло меня,

Да шарахнулся конь – сабля мимо прошла...

... Я проснулся в холодном похмельном поту...

Чёрный всадник вернулся? – Не в этом беда,

А беда наша в том, что не чая беду,

Опаскудились мы, равно как и тогда.

Фруктовый роман

"Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок..." (народная мудрость)

Знойный полдень рыночной прохладой
Оттенялся... Здесь, в гнездовье мух,
Общей страстью, как сестру и брата,
Нас объединил фруктовый дух...

Ты, возможно, большего хотела...
Я всё больше к дыням тяготел,
Грязно домогаясь только тела
Сочной дыньки, высшего из тел!

Всё случилось как-то, между делом –
Обожрались! Впали в забытье...
Выбелилось солнце фруктом спелым,
Как глазное яблоко твоё.

...Впрочем, после утреннего стула
Мы расстались – кончилась глава...
Ну зачем ты только отрыгнула
На меня невкусные слова?

Ныне пишешь то, что завдовела –
Сызнова съедобен, снова мил...
Милая, прости, мне нету дела:
Кажется, я дыньки разлюбил,

И сегодня в рыночной прохладе,
Помяная тот фруктовый вздор,
Копошась в бахче и винограде,
Всё же выбираю... помидор!

Помидор мясистый – мало крови,
Точно сердце чопорной вдовы...
Так, вгрызаясь в этот орган вдовый,
Выплюну тебя из головы!

Камланье

То осень чёрная, то белая зима.
Их тяжба длилась в продолжение двух суток.
И плыл в нетрезвом положении ума
Рассудок...

А мне всё виделось, как года через два
Войду домой... И вот тогда без всякой меры
Напьюсь любви от двух криниц – от естества
И веры...

Ещё казалось, что вернувшись извне
Всё полной мерой воздаётся, как награда...
Так верил я... Да только верить было мне
Не надо...

А всё с того, что в госпитальное окно
Унылой веткой достучалось в подсознание
Зимы и осени хмельное, как вино,
Камланье...

Ветеранам

Что же видится-помнится вам, старики,
Когда за полночь долго не спится?
Или память опять собирает полки,
Воскрешая знакомые лица?

А быть может, безмолвье отдельных квартир
Отзывается эхом разлуки –
Если дети не пишут, и через ОВИР
Врассыпную разъехались внуки...

Но всё также по-прежнему кружит для вас,
Развеваемый всеми ветрами,
Той победной весны удивительный вальс
Пролетевший над госпиталями;

Над разбитым обозом в дорожной пыли,
Над руинами всякого зданья...
Этот вальс мы от вас перенять не смогли.
И за это нам нет оправданья.

И за то, что не помним всех ваших имён,
И за то, что живём без отваги,
И за то, что поверх ваших красных знамён

Водружаем рекламные стяги.

Нынче время не то – нынче воздух больной,

Нынче доллар объявлен мессией...

Вы спасали Россию кровавой ценой –

Мы тихонько торгуем Россией.

Двуединство

Отчего же непременно
все случается так сложно?
Отчего же непременно
с незапамятного дня
Ты приходишь внутривенно –
я ловлю тебя подкожно,
Ты приходишь внутривенно
и вживляешься в меня!

В череде перерождений,
ненавидимы друг в друге,
В череде перерождений
нам расстаться не дано.
Мы – взаимоотраженье:
в двуединстве этой муки –
Лишь взаимоотраженье,
различённое ОДНО!

Выгрызая во мне дыры,
ты меня находишь славным,
Выгрызая во мне дыры,
обретаешь свой объем;
Но моим сокрыто миром,

и одно уж то забавно,
Что моим сокрыто миром
обитание твоё:

Если деревом ты станешь,
не расстанешься со мною...
Если деревом ты станешь
по весне в моём саду,
Ветви сквозь меня протянешь –
я приду к тебе пилою...
Ветви сквозь меня протянешь –
топором к тебе приду;

Станешь ты утробной болью –
обернусь истошным криком...
Станешь ты утробной болью –
сиплым смехом обернусь...
Этой странною любовью
мы продлимся многолико,
Этой странною любовью –
этой ненавистью дикой –
Этой странною любовью
от себя к тебе продлюсь...

Фотография

Вот фотография – крушенье –
Моей судьбы системный сбой...
Тебя там нет! Там есть мгновенье,
Не пережитое с тобой:

Там тень крыла стремится движенье
Сквозь толчею воды рябой
На тень мою, на тень мгновенья,
Не пережитого с тобой.

Вот так вот – сумеречной тенью
Стою согбенный пред судьбой.
То мой поклон, поклон мгновенью,
Не пережитому с тобой...

Уже исчерпаны сомненья...
Уже готов... Уже другой...
... Я помню каждое мгновенье,
Не пережитое с тобой!

Дом

На большой среднерусской равнине
Я не видел дорог в небеса...
То бетонкой, то чавкая в глине,
По просёлочной через леса;
Мимо сёл, мимо брошенных пашен,
Где уже не растёт ни шиша,
Между странных ангаров и башен
Среднерусская бродит душа.

Скособочилась, точно на плечи
Тяга к небу и тяжесть земли
По взаимному противоречью
Непомерную ношей легли.
Ей, земной, небо несоразмерно,
Ей, небесной, земля не под шаг.
Оттого и звенит она нервно,
Только всё не о том и не так...

Разыграется в россыпях звона,
Заглушая стенанье о том,
Что ещё до рожденья притона
Жил в душе неродившийся дом...
Образ дома ей словно иконка –

Знает милая: он не спасёт...
Но убитого ею ребёнка
До конца на груди понесёт.

Всё одно в протяжении странствий
Ищет домик... Да что о пустом?
В плотном информативном пространстве
Ей нигде уже больше не дом.
Разбазарила силы дурёха,
Заплутав в обаятельной лжи...
В никуда отлетает эпоха
Безалаберной нашей души.

Но однажды кому-то приснится
Светлый терем... И в это жильё
Камнем бросится странная птица –
В деревянное счастье своё.

Дорожное размышление

Снег ночной, дороги укрывая,
Искорками крошится с луны...
Бесполезно поджидать трамвая –
Даже пешеходы не видны.

Ладно уж, добраться всяко можно.
Дохромаю как-нибудь к утру...
Только жаль, что так неосторожно
Вечер разменял на мишуру.

Радость оказалась недотрогой –
Ну, её! Скажу себе: «Окстись».
Ночка ляжет сказочной дорогой
С тем, чтоб утром в двери поскрестись...

Хватит флиртовать с фригидной Невкой –
Пискаревским разойдусь с Невой,
Выскребусь из города за Ржевкой,
Дальше – зимним лесом, по прямой.

Только если задеревенею,
С полпути уткнувшись в снег ничком,
Вот тогда я круто пожалею

То, что как-то всё не целиком...

Так живём: вполсилы и в полстрасти –

Истого размаха лишены...

Даже снег для нас и тот – отчасти:

Искорками крошится с луны.

Поэзия

Поэзия приходит в этот свет
На зов неизлечимого желанья...
Очередной рождается поэт,
Не ведая, что призван на закланье.

Он станет блеском стали на ноже
Вальсировать, безумием охвачен...
Но в тридцать лет он траченный уже...
А в тридцать пять – он безнадёжно трачен!

А дальше всё – излом, износ души
До полного безмолвия: ни страха,
Ни боли, ни любви... И лишь в тиши
Сухого сердца ожидает краха
Мир без иллюзий. Все слова пусты...
Склонившись над своими же стихами,
Он ощущает приступ тошноты
И рвёт на них порывисто, толчками
Из глубины нутра. Не по нутру
Ему слова. Поэзия отныне
Не более чем призрак; На ветру,
Тень бабочки в арктической пустыне...

Спроси его о чьих-нибудь стихах –
Он, разве что, посмотрит виновато
С растерзанной улыбкой на губах
И враз поймёшь: вот этого не надо!

Не нужно слов...Но тот, кто камертон
Беззвучных крыльев бабочки в ледовом
Безмолвии услышать сможет –
он,
Сам обернётся воплощённым словом.

И не в строку, но в линию судьбы,
Поэзию вменяя за основу,
Судьбу, как лошадь вздёрнет на дыбы,
Тем полной мерой искупая слово.

Вобрав в себя системы и миры,
Он разобьёт и воскресит их снова,
Переиначив правила игры
По-своему – по духу и по слову.

И что с того, что слишком мало лет
Отмерено на это? В оправданье
Поэзия предьявится в ответ
На зов неизлечимого желанья.

Иваныч

Забудь, Иваныч, про пшеничные поля!
Вообще забей, что здесь была твоя земля!
Кто обокрал, кто прикупил – уже не суть.
Тебе не выжить с этой памятью – забудь!

Тебя всё меньше. Всё слабей твои черты
В среде потомков ленинградской лимиты,
Среди порталов интернета и среди
Бомжей усталых с безнадёгою в груди...

Прости, Иваныч! Всё я помню – не забыл
Домишко скромный и размах имперских крыл!
Ну не дури, старик, вставай! Начнём с нуля!
Мы вспомним вместе про пшеничные поля...

К Петербургу

Нет, Петербург, меня не обольстит
Твой бледный лик в убранстве новогоднем...
Видал я этот «...строгий, стройный вид»,
Мосты твои, подобно старым сводням,
Связующие судьбы островов
В единую судьбу большой утробы.
Сквозь метрополитен, в десятки ртов
Сосушей живностную массу, чтобы
Существовать. И это существо
И был мой дом?! Нет, мне здесь не по нраву –
Ты стал всеяден! Более того,
Харчишь, дурак, холодную потраву
С чужой руки. Нет, Петербург, молчи!
Ведь ты же сам учил меня когда-то
Мелодии своей – когда в ночи
По первоснежью улиц Ленинграда
Бродил, открыто улыбаясь львам,
Мяукавшим мне с каждого фасада...
И падал снег, и в такт моим шагам
Стучалось в ноги сердце Ленинграда,
Мелодией...
Как вдруг из-под ноги
Ты, Петербург, котёнком, тёплым шаром

В ладони прыгнул! – Оборвав шаги
Держал тебя предновогодним даром...

Вот видишь – помню. Только всё одно,
Мне нету места в городе уснувшем...
Твоим мостам, как видно, не дано
Соединить меня со мной, минувшим.

Над Ладогой

... Ах какой на Ладогой играл закат!
Над распадком деревце в скалу вжилось...
Я «на раз» прощаюсь – не гляжу назад,
А сейчас, смотри-ка ты, припомнилось.

Светлая тревога, а вослед за ней
Видится в неясном представлении –
То ли блики вёсел чередой огней,
То ли свет дробится на волнении...

Тёплой мягкой лапой пережиток лет
Прикоснулся к сердцу, говорящему...
Отчего прошедшему глядим вослед?
Почему не верим настоящему?

СТИХИ О ЖИЗНИ...

Стихи о жизни – грустные стихи:
Мы жили... Мы любили... А в итоге –
Осталось только пение строки:
Поэзию спалили по дороге.

Мы – это те, кто разлюбил слова,
Изжив в себе стенанья и упрёки
До бессловесной сути естества,
До голой сути выхолостил строки.

Так что не ждите пафосную высь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.